

ПРОБЛЕМЫ С ПОЛОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИЕЙ

В. Киотис

(перевод с английского Е. А. Песиной)

Свобода самоидентификации является важнейшей составляющей справедливого, либерального общества, поскольку она гарантирует личную свободу. Однако, пока мы отстаиваем свободу одной группы людей, право на самоидентификацию может стать причиной несправедливого отношения к другим. Возникает между правом на самоидентификацию и потенциальным вредом, который его реализация может причинить. Данная статья посвящена половой самоидентификации, и в ней утверждается, что для того, чтобы не допустить такой несправедливости, самоидентификация должна иметь ограничения и осуществляться при определенных условиях. Неограниченная самоидентификация по половому признаку может нарушить права, которые были введены для защиты женщин и для устранения уже существовавшей несправедливости.

Ключевые слова: самоидентификация, справедливость, идентичность, способность действовать.

DOI: 10.47929/2305-7327_2021.01_51-62

Введение

Самоидентификация неразрывно связана с личной свободой. В либеральных обществах люди вольны выбирать свою идентичность в пределах разумных ограничений. Однако это право не может быть социально неограниченным и зависеть исключительно от индивидуальных убеждений и представлений. Исследование идентичности и самоидентификации особенно ценно и актуально в наше время по двум причинам. Во-первых, благодаря росту онлайн-общения, человеку стало легче, чем раньше, идентифицировать себя как угодно, что имеет последствия для его жизни в целом, а не только в сети. Во-вторых, похоже, либеральные общества претерпевают трансформацию, которая испытывает границы и их практическое применение; это становится особенно очевидно, когда мы обращаемся к вопросам свободы слова и гендерной идентификации. Например, если назвать себя «самым нерасистским человеком из всех, кого можно встретить», и быть приня-

Об авторе:

Киотис Вангелис

*д. философ. наук, Школа
бизнеса и общества
Глазго, Великобритания*

*Адрес для переписки:
2/2, 10 Танталлон роуд,
Глазго, Великобритания*

*E-mail:
vangelis@fastmail.com*

*УДК 316.6
ББК 60.00*

тым в качестве такового, то ему легче будет *быть* расистом; если кто-то определяет себя как женщину и другие люди принимают ее в качестве таковой, это открывает для нее права и моральные притязания, доступные исключительно женщинам. Таким образом, самоидентификация – распространенное явление в либеральных обществах – угрожает социальной справедливости, поскольку оно часто используется как инструмент осуществления несправедливости. Представленное здесь рассуждение доказывает, что самоидентификация должна быть социально ограничена; недостаточно, чтобы сам человек как-то себя идентифицировал, общество должно принять его таким. Так же, как существуют ограничения свободы слова, должны существовать и ограничения на самоидентификацию, чтобы защитить либеральную социальную справедливость.

Влияние самоидентификации на справедливость главным образом затрагивает уязвимые группы и их потенциально конкурирующие интересы и моральные притязания. Примерами таких незащищенных групп являются женщины, трансгендеры, а также представители малых этнических групп. Время является значимым параметром самоидентификации. Изменение идентичности происходит со временем, и предполагается, что человек не может принимать две разные идентичности одновременно; в любой заданный момент времени человек является либо мужчиной, либо женщиной, черным, белым или азиатом. В этом смысле справедливость определяется как результат взаимодействий между моральными агентами, которые имеют конфликтующие моральные притязания и различные интересы [Jaworski, 2018].

Примеры о половой идентификации и расизме принципиально различны; один касается физических характеристик, другой – убеждений, но они схожи тем, что самоидентификация в них используется как оправдание действия или поведения, которое может привести к несправедливости. Наше рассуждение будет строиться вокруг проблемы гендерной идентичности, хотя, по большому счету, оно посвящено проблеме самоидентификации в целом.

Должно ли либеральное общество указывать людям, кем им позволено *быть*? Да, пока этим оно защищает других от несправедливости. Так же, как либеральные общества ограничивают свободу слова для защиты от вреда, причиняемого свободными высказываниями, они могут и должны равным образом ограничивать право на самоидентификацию, так как оно может быть использовано для нанесения вреда другим и особенно указанным незащищенным группам [Gaus, 2020].

Личная свобода – это камень преткновения либерального общества. Каждый человек имеет право делать все, что ему хочется, при условии, что это не навредит другому. Принцип «не навреди» устанавливает правовую основу либерального общества. Государство (или в некоторых случаях общество – неформально и через социальные нормы) может устанавливать границы личных свобод. Компонентом индивидуальной свободы является свобода самоидентификации; человек может идентифицировать себя так, как он хочет сам, при условии, что этим он никому не нанесет вред. Самоидентификация может быть опасной, когда она ничем не ограничена. Самоидентификация белого

мужчины-расиста в качестве черной женщины не расистки и последующее социальное и юридическое признание ее таковой наносят вред этническим меньшинствам, которые страдают от расизма, и женщинам, страдающим из-за дискриминации по половому признаку.

В данном исследовании самоидентификация и идентичность рассматриваются сначала отдельно от понятия справедливости. В заключение эти понятия исследуются вместе, чтобы увидеть, в какой степени в результате самоидентификации возникает несправедливость.

Самоидентификация

Представьте себе Виктора, сорокалетнего мужчину с успешной карьерой за плечами. Пол Виктора скорее всего повлиял на его образование и карьеру, потому что, как правило, общество и экономика организованы вокруг потребностей, отношений и способностей мужчин. Виктору, например, не нужно было на время оставлять работу, чтобы стать матерью. Социальные стереотипы и ожидания, скорее всего, работали в его пользу как в профессиональном, так и в социальном плане. С другой стороны, будучи мужчиной, он мог упустить некоторые возможности, например, при приеме на работу, так как в компаниях часто поощряют найм и продвижение по службе женщин в качестве решения проблемы неравенства полов. Либеральная политическая мысль и либеральные общества характеризуются наличием уважения к личности и, следовательно, правом личности на самоопределение. Виктор волен идентифицировать себя как «правого» или «левого» в политическом отношении, социально консервативного или радикала, футбольного или теннисного фаната. Он волен поступать так, как сам того пожелает, пока его действия не вредят другому.

Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека, которые были ратифицированы во второй половине XX века, недвусмысленно запрещают дискриминацию по половому признаку [Altman, 2020; Rudolf, 2012]. Они соответствуют социальным нормам и законодательству многих современных и практически всех либеральных обществ, где существует защита от дискриминации. Либеральные общества достигают социальной справедливости, оценивая индивидуальное поведение, а не личные характеристики. При этом они должны принимать меры против дискриминации, основанной на физических характеристиках. Идея о том, что «человеческие существа обладают достоинством, которое заслуживает уважения... лежит в основе умеренной либеральной социальной демократической мысли и практики» [Nussbaum, 1999, p. 5]. Это неразрывно связано с идеей о том, что люди должны иметь право делать выбор относительно собственной жизни [Там же], включая выбор своей идентичности.

Давайте представим далее, что Виктор после сорока лет жизни в качестве мужчины решает сменить пол и стать женщиной. Его пол и имя законно изменены, и в плане социальных и политических функций он – женщина. Теперь Виктор стал Викторией. Это ее жизнь, и она может делать все, что захочет, пока [ее действия] не наносят вреда другим.

Изменение пола Виктора кому-нибудь вредит? Является ли Виктор тем же человеком, что и Виктория?

Законы, нормативные акты и социальные нормы, касающиеся равенства полов, призваны помочь уязвимым субъектам, таким как женщины, и исправить историческую несправедливость. Считается, у женщины, которая родила детей, было меньше возможностей для продвижения по службе из-за господствующих социальных норм относительно материнства и карьеры. Нормы регулирования равенства полов направлены на то, чтобы помочь ей «наверстать упущенное» или от имени общества восполнить несправедливости прошлого.

Возможность смены пола позволяет мужчинам использовать меняющиеся социальные нормы для совершения новой несправедливости в отношении женщин, особенно когда смена пола происходит на поздних этапах их жизни. Это позволяет мужчинам сначала пользоваться преимуществами патриархальной социальной структуры в сфере образования и рынка труда, а затем пользоваться нормами, которые призваны помочь жертвам существующих социальных структур. Разве Виктор, став Викторией, кому-то вредит? Да. Женщины, которые не могут или не хотят менять свой пол, подвергаются дискриминации на протяжении всей своей жизни. Дискриминация по половому признаку все чаще рассматривается как несправедливая и незаконная. Да, сейчас женщины больше защищены, чем 20 лет назад; патриархальные структуры значительно ослабевают. Однако сорокалетняя женщина, которая сегодня находится под защитой законодательства, вероятнее всего, пострадала от половой дискриминации 25 лет назад. Последствия продолжают оказывать влияние на ее жизнь и сегодня. Виктория, проведя свои первые сорок лет в качестве мужчины, не подвергалась такой дискриминации. До смены пола она жила в относительных привилегиях и могла пользоваться нормативными актами, исправляющими несправедливость, которые ее не касались. Потенциальная несправедливость, как результат смены пола, обусловлена меняющимися социальными нормами и все еще существующим патриархатом; Виктория может пользоваться правами, предназначенными только для женщин, которые увеличились за время ее жизни, но в то же время, будучи женщиной, она может подвергаться дискриминации по половому признаку.

Это не означает, что Виктория намерено совершила несправедливость по отношению к женщинам. Однако мы должны различать намерение совершить несправедливость и фактическое совершение несправедливости. Здесь есть две уязвимые группы: женщины и трансгендеры (включая людей, которые хотят поменять или уже сменили пол). Изменение социальных норм в отношении женщин и трансгендеров призвано помочь защитить эти уязвимые группы и исправить текущую и прошлую несправедливость. Однако уязвимость относительна; уязвимость одного не означает, что другие не уязвимы.

Если Виктор и Виктория не один и тот же человек, тогда Виктория не совершает никакой несправедливости. Она – женщина, пользующаяся законодательством, призванным помочь женщинам. Можно утверждать, что во многих отношениях я уже не тот человек, каким был в 2001 году, и поэтому я не несу моральной ответственности за свои

действия 20 лет назад – особенно когда мои действия способствовали социальной несправедливости. Более того, изменение социальных норм влияет на определение морали и справедливости. Как я могу нести моральную ответственность за несправедливость, если изменилось ее определение и социальное понимание того, что она собой представляет? Конечно, Виктор тоже не может нести за это ответственность. Вопрос: являются ли Виктор и Виктория одним и тем же человеком, – не имеет отношения к текущему рассуждению. Виктория совершает несправедливость, пользуясь законами, призванными помочь женщинам, которые пострадали от несправедливости. Все женщины, которые родились и жили в качестве женщин, пострадали от несправедливости и имеют исключительные моральные притязания. Расширение круга с целью включения туда женщин, которые прожили часть своей жизни в качестве мужчин, ослабляет моральные притязания женщин, которые жили только как женщины. Виктория становится незащищенным субъектом и в результате воспринимается как имеющая моральные притязания, соразмерные тем, что имеют женщины, которые страдали от несправедливости гораздо дольше. Идентичность может не играть роли для совершения несправедливости, а вот возможность поменять идентичность – играет. Неважно, кто совершает несправедливость – Виктор или Виктория, но крайне важно, может ли Виктор стать Викторией и таким образом совершить несправедливость, получив больше прав, избегая при этом какой-либо моральной ответственности.

Идентичность

Стул является одним и тем же объектом, независимо от того, используют его в доме или в ресторане, сидят на нем или стоят, или используют в качестве декорации; стул есть стул, несмотря на то, был ли он сделан годы назад или минуты. Гусеница, превращающаяся в бабочку, – одно и то же животное, несмотря на фундаментальные изменения. То же самое можно сказать про людей: мы рождаемся, живем и умираем, будучи теми же людьми [Schechtman, 2018]. Однако этот подход не допускает изменений в идентичности, что является важным компонентом либеральных обществ. Если кто-то родился в консервативном сообществе, он имеет право стать радикалом; если кто-то родился мужчиной, он имеет право идентифицировать себя как женщину в либеральном обществе, которое уважает людей и их личные права. При условии, что никому не будет причинен вред, право на самоидентификацию является обязательным условием справедливости.

Пятилетний Виктор – это тот же самый человек, что и 35-летний Виктор? Большинство людей ответят – да. Это означает, что у 35-летнего Виктора могут быть моральные претензии относительно несправедливости, которой он подвергся в пятилетнем возрасте. Аналогичным образом, 35-летний Виктор несет ответственность за преступления, которые он мог совершить в возрасте 25 лет [Kamm, 2005]. Моральная пустыня (*moral desert*) и ответственность связаны с идентичностью, и поэтому изменение идентичности должно влиять на моральные притязания [Glannon, 1998]. Простым решением проблемы изменения идентичности и моральных притязаний была бы идея о том, что идентичность статична на протяжении всей жизни человека или, по крайней

мере, становится таковой во взрослом возрасте. Это, пожалуй, самый прямолинейный подход, который широко распространён в соответствующей литературе. Проблема этого подхода заключается в том, что он не может учитывать моральные требования и ответственность при изменении идентичности. Статичный подход к идентичности проблематичен в том смысле, что он практически не оставляет людям возможности изменить свою идентичность и связанные с ней моральные притязания и обязанности. Если мужчина использует патриархальные структуры для продвижения своей карьеры за счет женщин, несет ли он моральную ответственность, независимо от того, остается ли он при этом мужчиной?

Начиная с Локка [Locke, 2008], идентичность связывали с памятью. Моральные искания возможны только в том случае, когда у действующего лица сохранилось воспоминание о некоем действии. В современной философии морали существует пять подходов к идентичности: психологический, биологический, нарративный, антропологический и подход Парфита, согласно которому идентичность не имеет значения [Parfit, 1984; Shoemaker, 2019].

Психологическое представление об идентичности строится на подходе Локка и фокусируется на памяти субъекта; Локк связывал идентичность с сознанием и со способностью человека видеть себя настоящего как продолжателя своего прошлого «Я» и предшественника своего будущего «Я». Современный психологический подход развивает идею Локка, исследуя психологическую внутреннюю связь, которая включает не только память, но и интенции, убеждения и сходство характера [Parfit, 1984]. Таким образом, психологический критерий идентичности личности оказывается аналогичным простому физическому, или биологическому, подходу, который в самой примитивной форме утверждает, что идентичность человека остается неизменной, точно так же, как стул остается стулом до тех пор, пока он существует. Как для психологического, так и для физического подхода личная идентичность определяется «пространственно-временной физической непрерывностью» [Parfit, 203]. Гусеница имеет ту же идентичность, что и бабочка [Там же].

Нарративный подход [Shoemaker, 2019], возможно, больше подходит для текущей дискуссии, поскольку в нем изменение идентичности рассматривается во временной перспективе. Нарративный критерий идентичности через осмысление истории жизни человека и его опыт добавляет комплексный уровень к психологическому критерию. Воспоминания, переживания и намерения Виктора являются его собственными настолько, насколько он понимает и интерпретирует их, выстраивая свою личность. Итак, нарративный подход – это история о себе, которую человек рассказывает себе самому, используя свои воспоминания и прошлый опыт в качестве строительных кирпичей [Ricoeur, 1991; Nankov, 2014]. Нарративный подход лучше соотносится с самоидентификацией, так как человек по кусочкам собирает воспоминания и личный опыт в процессе построения идентичности. В отличие от психологического и физического подхода нарративный критерий требует активного участия индивида в определении своей идентичности. Выстроенная идентичность тесно связана с собственным опытом, и это не позволяет человеку делать абсурдные заявления о своей идентично-

сти. Аналогичным образом утверждения человека о своей идентичности связаны с его физической и психологической идентичностью, поскольку они являются важными компонентами нарративного критерия идентичности. Так, человек не может идентифицировать себя как ветерана войны, если у него нет военного опыта. Все же на вопрос о том, можно ли идентифицировать себя как женщину, в рамках нарративного подхода не так легко ответить.

Три подхода к идентичности, указанные ранее, являются самореферентными, поскольку они основаны на способности человека определять физическую, психологическую или нарративную непрерывность. Принципиально отличным оказывается антропологический подход, поскольку он допускает и даже требует участия третьей стороны в определении идентичности человека [Lindemann, 2001]. Идентичность – это социальный конструкт, включающий в себя опыт, психологическую и физическую непрерывность, а также социальную среду. Если кто-то заявляет, что он – женщина, потому что ощущает себя женщиной, имеет женский опыт и физиологию женщины, антропологический критерий добавляет еще одно препятствие на пути к женскому статусу – общественное признание в качестве женщины. Антропологический подход учитывает роль социальных групп в определении идентичностей и даже значимость «поврежденных идентичностей» [Там же] по отношению к социальным группам. Таким образом, индивид может рассматриваться как недостойный, когда он принадлежит к другой социальной группе.

Редукционистская концепция Парфита гласит, что личная идентичность не имеет значения при исследовании индивидуальности (personhood) и морали. Для концепции Парфита важна психологическая непрерывность: если у Виктора такой же психотип, воспоминания, намерения, характер, как у Виктории, тогда не имеет значения, являются ли они в действительности одним и тем же человеком. Это проливает новый свет на рассуждение о Викторе и Виктории, поскольку смещает фокус на психологическую непрерывность. Следовательно, если идентичность Виктора и Виктории не имеет значения или, по крайней мере, не имеет принципиального значения, возникает вопрос: каким образом становление Виктора в качестве Виктории порождает несправедливость?

Справедливость

Справедливость определяется социально и в этом отношении лучше всего опирается на антропологический критерий идентичности. Она также связана со взаимной выгодой и отсутствием вреда [Miller, 2017]. В силу социального понимания справедливости первостепенное значение в ее определении имеет агентность (способность к действию); агент – это социальный субъект, взаимодействующий с другими для продвижения своих интересов в социальном контексте. Агенты, или люди, свободны и равны [Rawls, 2005], и поэтому справедливость связана с основами либерального общества. Свободные индивиды должны иметь политические, социальные и моральные права, включая право на самоидентификацию. Деятельность определяет и исследует справедливость, в то время как идентичность исследуется в контексте социальной справедливости – сначала идет деятельность, а рассуждения

об идентичности следует за ней. Они оба относятся к одному и тому же понятию, человеку или личности, хотя и с разных точек зрения.

По мнению Роулза, идентичность невозможно утратить [Rawls, 2003]; если человек переходит в новое сообщество, его права остаются прежними, исключения составляют новые моральные притязания, которые могут у него возникнуть как у нового члена сообщества. В качестве примера Роулз приводит человека, который переходит в новую религию. Так, человек теряет некоторые моральные притязания, которые принадлежали ему как последователю старой религии, и приобретает другие, связанные с его новой религией. Свободным обществом признается личная свобода, а значит, и право менять свое вероисповедание. Исходя из этого, справедливое общество должно также позволить человеку изменить свое имя, политическую принадлежность и пол. Пример с религией предполагает, что принятие новой веры связано с новыми обязанностями, а также правами. Кроме того, предполагается, что для такого изменения существуют условия; новая церковь должна принять этого человека, а он, в свою очередь, должен следовать обычаям своей новой религии. Человек не может принять ислам и продолжать есть свинину.

Поэтому справедливое либеральное общество зависит от *условной* личной свободы. Назвать себя женщиной (или мужчиной) недостаточно для того, чтобы стать, быть женщиной (или мужчиной). Признать, что одной самоидентификации достаточно для изменения идентичности, – значит, создать возможность для появления несправедливости. Самопровозглашенный мусульманин, который ест свинину, может делать заявления, которые другие мусульмане или христиане не могут делать, имея при этом избирательный доступ к правам, предоставляемым исключительно мусульманам.

Следуя Юму [Hume, 1987], можно определить справедливость как механизм урегулирования конфликтующих притязаний, выходящих за рамки близких или дружеских отношений. Таким образом, справедливость относится к индивидам и их группам, их притязаниям и способам их регулирования [Miller, 2017]. Кроме того, если мы продолжим рассуждение, окажется, что справедливость также связана с деятельностью; каждый индивид или группа обособлены друг от друга и потенциально конфликтны [Roback, 1991]. Справедливость – это идея о том, что конфликт может быть разрешен взаимно приемлемым и выгодным для всех способом.

Социальная активность, ответственность, взаимная выгода приводят к концепции справедливости как взаимной выгоды, где способность действовать и собственная выгода занимают центральное место. Если способность к действию рассматривать как отдельный аспект идентичности, то можно заметить, что личная выгода поднимает интересные вопросы, касающиеся идентичности в контексте предыдущего раздела, посвященного различным подходам к идентичности. Личная выгода, или рациональное действие, предполагает, что каждый человек должен делать то, что приносит ему пользу; однако определить, что представляет собой этот «агент» (действующее лицо), оказывается не так просто, когда мы рассматриваем его в контексте идентичности и особенно

когда «идентичность не имеет значения». Если Виктор осуществляет свою деятельность в качестве будущей Виктории, то для него разумно действовать так, чтобы в будущем она получила от этого пользу. Однако, если мы предположим, что Виктор и Виктория – разные люди, без какой-либо взаимозависимости, получается, что у каждого из них свои разные рациональные цели. Виктор действует с выгодой для себя, в контексте своей социальной идентичности, в то время как Виктория действует в своем социальном контексте.

Обычно справедливость связывают с формами альтруизма: «Справедливость заставляет нас переступить через наши примитивные идентичности и быть просто самим собой» [Sen, 2014, p. 1]. Предположение, что мораль и справедливость не требуют от человека учитывать других в своих размышлениях, снимает проблему «переступания через себя». Справедливость, основанная на рациональности, не требует от взаимодействующих лиц ничего, кроме личной заинтересованности. В итоге принятие рационального решения и взаимное безразличие снимает все проблемы справедливости, связанные с идентичностью [Brink, 1997]. Агенты действуют с выгодой для себя, не проявляя интереса к выгоде другого; «функции полезности должны определяться независимо друг от друга» [Morris in Vallentyne 1991, p. 81]. Рациональное действие и взаимное безразличие позволяют агентам взаимодействовать друг с другом, независимо от идентичности; снова получается, что идентичность не имеет значения [Wolf, 1986]. В результате мы можем считать Виктора отдельным от Виктории агентом и даже не учитывать ее в будущей перспективе, что, в свою очередь, позволяет рассмотреть потенциальную несправедливость, возникающую в результате изменения идентичности.

Заключение. Самоидентификация и справедливость

Когда мы определяем справедливость как взаимную выгоду, оказывается, что идентичность имеет значение только в межвременном аспекте (intertemporality) [Chiotis, 2020; Lee, 1990]. В конкретный момент времени (t) идентичность не имеет значения, потому что она меняется только во временной перспективе.

Является ли агент A в момент времени t тем же, что и агент A в момент времени $t+1$, не имеет значения для справедливости. Важно, чтобы все взаимодействующие лица в t и в $t+1$ вели себя морально [приемлемо] и чтобы в обоих случаях общество было справедливым. Совершает ли Виктор несправедливость или страдает от нее в момент t , не влияет на моральную ответственность Виктории или ее претензии в момент $t+1$. Однако справедливость, моральные притязания и ответственность не имеют ограничений во времени. В момент времени t набор моральных притязаний и обязанностей агента A , принадлежащего к группе X , не является независимым от притязаний и обязанностей агента B , который также принадлежит к группе X в момент времени $t+1$. Несправедливость совершается из-за смены групп, которая сопровождается отказом от моральных притязаний и обязанностей одной группы и принятием притязаний и обязанностей другой группы [Parfit, 2017].

Потенциальная несправедливость совершается на двух уровнях. Во-первых, когда Виктор становится Викторией, он отказывается от всякой моральной ответственности за дискриминацию в отношении женщин. Как мужчина, он имел доступ к возможностям, которых нет у большинства женщин. Во-вторых, Виктория получает доступ к правам, предназначенным только для женщин, которые призваны исправить несправедливости прошлого, которым Виктория не подвергалась. Даже если Виктор, будучи мужчиной, не совершал несправедливостей, потому что он не пользовался своим положением в обществе, он, безусловно, не подвергался дискриминации из-за своего пола.

Сам по себе акт принятия новой идентичности не является несправедливым. Однако самоидентификация в качестве женщины *со временем* дает Виктории доступ к дополнительным моральным притязаниям. До того как стать Викторией, у Виктора были права и притязания мужчины, а затем он получил права и притязания женщины. Люди, которые остаются женщинами или мужчинами на протяжении всей своей жизни, оказываются в менее выгодном положении. Проблема двоякая: во-первых, если бы все мужчины были готовы стать женщинами, это могло бы частично устранить несправедливость. Во-вторых, если бы все или большинство мужчин стали женщинами, права женщин стали бы неактуальными или неоднозначными. Это могло бы отрицательно сказаться на женщинах, которые прожили всю свою жизнь как таковые. Далее превращение мужчин в женщин нарушает эксклюзивные права женщин, потому что они [мужчины] пользуются правами женщин после того, как воспользовались правами мужчин. Мужчины, которые остаются мужчинами, также имеют доступ к меньшим правам по сравнению с Викторией. Однако в контексте справедливости уязвимой группой являются женщины, и несправедливость совершается в первую очередь по отношению к ним.

Идентичность может не иметь значения, как полагает Парфит, или она может зависеть от антропологических или социологических параметров. Однако изменение идентичности имеет значение для справедливости, и поэтому оно должно быть ограничено социальными нормами или законодательством, аналогично ограничениям свободы слова [van Mill, 2021]. Таким образом, способность человека по желанию переходить от одной идентичности к другой является угрозой справедливому обществу.

Каково же тогда решение? Самоидентификация является неотъемлемым компонентом любого либерального общества, и как таковая она должна быть сохранена. Использование антропологического критерия идентичности и социальных норм для ограничения самоидентификации может спровоцировать новые проблемы, поскольку социальные нормы не всегда справедливы. Закрепление идентичности с помощью чего-то вроде отпечатков пальцев и, следовательно, установление моральной пустыни (*moral desert*) и притязаний на основе физической преемственности также проблематично, потому что это означает, что у Виктории не будет прав, характерных для ее нового «Я».

Агент А, который хочет выйти из группы X, должен иметь возможность сделать это. Тем не менее возможность присоединиться к суще-

ствующей группе В должна быть ограничена, чтобы защитить моральную пустыню (*moral desert*) ее текущих членов. Вместо этого необходимо создать новую группу С, чтобы обеспечить защиту прав А. Агент А имеет уникальные моральные притязания и обязанности, и, если они не будут признаны таковыми, будет совершена несправедливость. С практической точки зрения, оказывается, что, если Виктория получит доступ к правам только для женщин, она нарушит права тех, кто был женщиной на протяжении всей своей жизни. Виктория должна иметь свое право на самоидентификацию в либеральном, справедливом обществе, а доступ только к правам мужчин нарушил бы это право. Третий набор прав, созданный исключительно для лиц, изменивших пол, является в этой связи единственным способом, при котором половая самоидентификация не нарушает моральных прав уязвимых лиц и соответствует требованиям справедливости.

Список литературы

1. Altman A. Discrimination // Zalta, E.N. (Ed.). – The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015.
2. Brink D. O. Rational egoism and the separateness of persons. – Reading Parfit, 1997. – P. 96–134.
3. Chiotis V. The Morality of Economic Behaviour : Economics as Ethics. Routledge, 2020. – URL: [https:// DOI.org/10.4324/9781351168885](https://DOI.org/10.4324/9781351168885)
4. Gaus G., Courtland S. D., Schmidt D. Liberalism // Zalta E. N. (Ed.). – The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2020.
5. Glannon W. Moral Responsibility and Personal Identity // American Philosophical Quarterly, 1998. – Vol. 35. – P. 231–249.
6. Hume D. Essays, moral, political, and literary. – LibertyClassics, 1987.
7. Jaworski P. M., Shoemaker D. Me and mine // Philosophical Studies, 2018. – Vol. 175. – P. 1–22. – URL: <http://dx.DOI.org.ezproxy.is.ed.ac.uk/10.1007/s11098-016-0853-6>
8. Kamm F.M. Moral Status And Personal Identity: Clones, Emryos And Future Generations // Social philosophy & policy, 2005. – Vol. 22. – P. 283–307. – URL: <https://DOI.org/10.1017/S0265052505052118>
9. Lee W.-C. Personal identity, the temporality of agency and moral responsibility // Auslegung: a journal of philosophy, 1990. – Vol. 16. – P. 17–29. – URL: <https://DOI.org/10.17161/AJP.1808.9312>
10. Lindemann H. Damaged identities, narrative repair, Cornell paperbacks. – Cornell University Press, Ithaca ; London, 2001.
11. Locke J. An essay concerning human understanding, Oxford world's classics (Oxford University Press). – University Press, Oxford. 2008.
12. Miller D. Justice // Zalta E. N. (Ed.) – The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Metaphysics Research Lab, Stanford University. – 2017a.
13. Miller D. Justice // Zalta E. N. (Ed.) – The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Metaphysics Research Lab, Stanford University. – 2017b.
14. Nankov N. The Narrative of Ricoeur's Time and Narrative // The Comparatist. – 2014. – Vol. 38. – P. 227–249.
15. Nussbaum M. C. Sex and Social Justice. – Oxford University Press, Incorporated, New York, UNITED STATES. – 1999.
16. Parfit D. Reasons and Persons, New Ed edition. ed. – Oxford University Press, USA. – 1986.
17. Parfit D. Future People, the Non-Identity Problem, and Person-Affecting Principles // Philosophy & Public Affairs. – 2017. – Vol. 45. – P. 118–157. – URL: <https://DOI.org/10.1111/papa.12088>
18. Rawls J. Justice as fairness: a restatement. – Harvard University Press. – 2003.

19. Rawls J. A Theory of Justice, reissue edition. ed. – Harvard University Press, Cambridge, Mass. – 2005.
20. Ricoeur P. Narrative Identity // *Philosophy Today*. – 1991. – Vol. 35. – P. 73–81. – URL: <https://DOI.org/10.5840/philtoday199135136>
21. Roback J. Plural but Equal: Group Identity and Voluntary Integration // *Social Philosophy and Policy*. – 1991. – Vol. 8. – P. 60–80. – URL: <https://DOI.org/10.1017/S0265052500001138>
22. Rudolf B., Freeman M. A., Chinkin C. M. The UN Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination against Women: a commentary. – Oxford commentaries on international law. Oxford University Press, Oxford ; New York. – 2012.
23. Schechtman M. The Constitution of Selves. – Cornell University Press. – 2018.
24. Shoemaker D. Personal Identity and Ethics // Zalta E. N. (Ed.) – The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Metaphysics Research Lab, Stanford University. – 2019.
25. Van Mill D. Freedom of Speech // Zalta E. N. (Ed.) – The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Metaphysics Research Lab, Stanford University. – 2021.
26. Wolf S. Self-Interest and Interest in Selves // *Ethics*. – 1986. – Vol. 96. – P. 704–720. – URL: <https://DOI.org/10.1086/292796>